

Наталья Антонова

Срезанные
ЦВЕТЫ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Оформление серии *Екатерины Елькиной*
Редактор серии *Т. Масленникова*

Антонова, Наталия Николаевна.

А72 Срезанные цветы : [роман] / Наталия Антонова. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Уютный детектив. Серия Наталии Антоновой).

ISBN 978-5-04-100427-9

В небольшом провинциальном городе в самый разгар весны кто-то одну за другой убивает женщин. Сначала невеста погибает на собственной свадьбе, потом в гримерке умирает актриса театра, а затем состоятельную бизнес-леди убивают прямо во время свидания на берегу реки. Их участь разделяют учительница, психолог, жена олигарха и официантка. Женщин не связывает ничего, кроме последнего «подарка» от убийцы – красной розы на длинном стебле. Следователь Шура Наполеонов в недоумении. За какую ниточку взяться?! Но тут в дело вступает проникательная и чуткая Мирослава Волгина со своим неизменным помощником – красавцем Морисом. Именно их друзья, враги, родственники и возлюбленные жертв приведут к невероятной разгадке...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антонова Н. Н., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100427-9

Апрель встрепенулся, как птенец, стряхнув с зеленого оперенья первой травы прозрачные капли растаявшего снега. Умопомрачительно запахло распускающимися тополиными почками. И стало ясно, что наступила не календарная весна, а настоящая. Хотелось смеяться и плакать одновременно.

Следователь Александр Романович Наполеонов, для друзей просто Шура, был одним из тех счастливых людей, которые любят свою работу.

Кто-то может задаться вопросом: «За что, собственно, любить работу следователя?!» Наверное, за то же, за что и любую другую.

Свою фамилию Шура носил с таким же достоинством, с каким Наполеон носил свою шляпу. Роста он тоже был наполеоновского: 160 см и ни миллиметра больше!

Он был еще довольно молод, и для хранения его следовательского багажа не нужны были два чемодана, хватило бы одной папки, но желтовато-коричневые глаза мудрого лиса говорили внимательному наблюдателю о том, что играть с ним в прятки себе дороже.

В этот субботний вечер Шура легкомысленно поблагодарил судьбу за то, что на данный момент не обременен никакими громкими делами и мо-

жет позволить себе приятно провести время в уютном коттедже свой давней подруги Мирославы Волгиной.

Никаких романтических отношений между ними никогда не было, они дружили с раннего детства — Шура Наполеонов, Мирослава Волгина, двоюродный брат Мирославы Виктор Романенко и Людмила Стефанович. Жили в одном дворе, ходили в одну школу, их родители общались между собой и часто шутили, что у них на всех четверо детей.

Но так сложилось, что на данное время Шура чаще всего виделся с Мирославой. Виктор Романенко в силу своей профессии пропадал в горячих точках. Люся, или, как звали ее друзья, Люси, была занята делами автосервиса, который развивала вдвоем с отцом, и своими бесконечными романами.

А с Мирославой Шуру объединяла в некотором роде и общность занятий. Волгина была частным детективом. После окончания юридического факультета она недолго проработала следователем и ушла на вольные хлеба.

Весенний чарующий вечер дышал влажной прохладой и ароматами цветов... И был он подобен юному скрипачу в лиловом фраке. А ясный месяц был его скрипкой с серебряными струнами и золотым смычком.

Звезды опустились так низко, что, казалось, ресницы их касаются переплетенных ветвей, еще не покрывшихся листвой деревьев. Окна были распахнуты. Ароматы первых цветов проникали в комнату.

Морис играл классическую музыку — Моцарта, Бетховена, Шопена... Играл он исключительно хорошо, и Мирослава была зачарована. Она забыла обо всем...

Его красивые руки на миг приподнялись над клавишами и застыли, но тотчас снова глубокие звуки заполнили комнату. Он играл и думал о том, что судьба, несмотря на уверения скептиков, все-таки существует.

Взять хотя бы его: разве мог он предположить, что, поехав по приглашению друга в Россию, на одной из вечеринок познакомится с Мирославой Волгиной и устроится на работу в ее детективное агентство?

Поначалу, покинув гостеприимный дом приятеля, Морис снял для себя квартиру. Но вскоре Мирослава предложила ему перебраться в агентство.

«По-моему, это устроит нас обоих, — сказала она, — тебе не нужно будет платить за квартиру. А для меня большое удобство в том, что ты как бы всегда на рабочем месте».

Морис согласился. Он еще плохо знал окружение Мирославы и не слишком ориентировался в современной российской действительности, но не сомневался, что скоро освоится и будет чувствовать себя как дома.

Как дома... Морис любил море, сосны, песчаные дюны. Он родился и вырос в красивейшем городе на берегу Балтийского моря. И никогда не предполагал, что уедет из любимого города надолго... Он был доволен своим домом, своими родителями и собой.

Морисом его назвала мама — переводчица с французского языка, а отец, капитан рыболовец-

кой шхуны, как он неизменно величал свой трейлер, спорить с любимой женой не стал. Он вообще никогда с ней не спорил. Обожал. Называл ненаглядной. Делал много, говорил мало. Спустя годы отец мало изменился. Все так же обожал жену, сына, море.

Морис унаследовал от отца потрясающую работоспособность и немногословность. Мама наградила его острым и в то же время глубоким умом, способностью все схватывать на лету и редкой проницательностью. И все это пригодилось ему, чтобы завоевать расположение Мирославы Волгиной.

Глава 1

Через неделю, в субботу, следователь Наполеонов был на дежурстве.

Еще по пути на работу он, глядя на распутившиеся тюльпаны и желто-белое кружево цветущих нарциссов, думал о том, что весна — пора любви и свадеб.

Когда он пришел в управление, почти вся группа уже была на месте. Дежурить в субботу, конечно, никому особо не хотелось, но служба есть служба. Шура поздоровался со всеми сразу и уселся возле пульта.

— Скоро черемуха зацветет, — мечтательно произнес старший лейтенант Аветик Григорян, откладывая газету с разгаданным кроссвордом.

— Моя Гузель давно мечтает о кустике черемухи под окном, — почему-то печально вздохнул капитан Ринат Ахметов.

— Так посади, — посоветовал эксперт-криминалист Афанасий Гаврилович Незовибатько.

— С удовольствием, — отозвался Ринат, — только до нашего этажа ее аромату лететь и лететь.

— Ага, — согласился Незовибатько, — черемуху лучше нюхать прямо в саду.

Шура вспомнил гамак в саду Мирославы и несколько черемух, которые во время цветения почему-то напоминали ему фрейлин императорского двора. Вот он лежит в гамаке, лениво покачиваясь, а они стоят рядом, овеивая его белыми ароматными веерами и...

— А помните мои прошлогодние фотографии с группой цветущих черемух?! — раздался неожиданно воодушевленный голос фотографа Валерьяна Легкоступова.

Шура тотчас вывалился из воображаемого гамака в реальность, рядом закашлялся Незовибатько, а судмедэксперт Зуфар Раисович Илинханов проговорил сурово:

— Типун тебе на язык!

— Почему сразу типун? — обиделся Валерьян, и его дымчато-серые глаза, только что светившиеся радостно, потемнели.

На тех фотографиях, о которых говорил Легкоступов, и впрямь цвели пышным цветом кусты черемухи, но рядом с ними был залитый кровью труп молодой девушки, и Легкоступов с его извечным стремлением к художественности умудрился на своих фотографиях сыграть на контрасте белых соцветий, красной крови и черной земли.

Наполеонов тогда готов был его придушить, да и не только он один. И теперь по привычке он собирался отчитать Валерьяна за то, что тот никак не может свыкнуться с мыслью, что полицейский фотограф готовит снимки не для художественного салона. Но тут поступил звонок на пульт оперативного дежурного. Наполеонов снял трубку.

— Полиция?! — раздался душераздирающий крик.

— Да.

— Ради всего святого, приезжайте скорее!

— Что случилось?

— Убита невеста!

— Адрес.

— Ресторан «Маяк». Пожалуйста, приезжайте скорее.

— Назовите свою фамилию, — попросил Наполеонов, но из трубки уже доносились короткие гудки.

— Черт, — пробормотал он и бросил остальным: — Убийство, на выезд.

Ярко-красные и желтые огни ресторана «Маяк» бросались в глаза издалека, даже несмотря на заливающие улицы города разноцветные отсветы всевозможных реклам.

— Из-за этого светопреставления в городе даже в ясную ночь звезд не видно, — проговорил со вздохом сожаления Валерьян Легкоступов.

Но ему никто не ответил.

Они прибыли на место происшествия и увидели несколько человек на крыльце. Неподалеку стояла «Скорая».

Едва Наполеонов поднялся на крыльцо, навстречу ему бросился мужчина среднего роста с пышными усами и темно-серыми глазами, так и впившимися в лицо следователя.

— Ипполит Матвеевич Табуреткин — тамада, — представился он.

— Следователь Александр Романович Наполеонов.

— Я догадался.

Правая бровь следователя вопросительно изогнулась, но выяснять, по каким признакам тамада узнал в нем следователя, он не стал, вместо этого спросил:

— Вы вызвали полицию?

— Нет, свидетель жениха.

— Кто потерпевший?

— Убита девушка, невеста.

Группа двинулась на место преступления. По пути тамада торопливо рассказывал о случившемся:

— Алла, невеста, отлучилась в дамскую комнату поправить макияж, и как-то за суетолокой ее хватились не сразу.

Первым встревожился жених, сначала искал невесту в зале, потом выбежал на улицу. Кто-то из гостей сказал, что Алла пошла в дамскую комнату. Настя, подруга невесты, побежала туда, и вдруг раздался душераздирающий крик.

Тамада вздохнул:

— Ломанули туда всей толпой. А она там лежит, ну, Алла. Мамаша ее сразу упала в обморок, я вызвал по сотовому «Скорую», потом позвал администратора, и он велел охране всех вывести оттуда.

— Почему не позвонили в полицию?

— Так в полицию сразу стал звонить Плетнев, я слышал, как он кричит в трубку: «Полиция, полиция!»

— Понятно.

Навстречу пронесли на носилках женщину с бледным лицом и закрытыми глазами.

— Это мать невесты, — быстро проговорил тамада.

— С ней серьезно? — спросил Наполеонов сопровождающего врача.

— Пока ничего не могу сказать, похоже на гипертонический криз, требуется срочная госпитализация. Девушке мы помочь уже ничем не можем.

Наполеонов махнул рукой, давая доктору понять, что пока вопросов к нему больше нет.

В дамской комнате никого не было, кроме убитой, хотя у входа маячили два охранника ресторана. Тело лежало на полу, выложенном плиткой песочного цвета с многочисленными красноватыми крапинками. При ближайшем рассмотрении крапинки оказались не кровью, а частью декора.

«Судя по словам тамады, следы основательно затоптаны», — подумал Наполеонов с раздражением.

Люди пачками читают детективы, смотрят криминальные сериалы и все одно не могут уяснить, что ничего трогать на месте преступления, а тем более топтаться на нем нельзя.

Девушка лежала головой к окну, на груди ее ярко алело красное пятно, голова была запрокинута, глаза цвета морской гальки, увлажненной недавней волной, были открыты. Рядом с ней на полу лежала красивая красная роза. Наполеонов почему-то подумал, что на свадьбе у невесты должна быть белая роза. Хотя кто их знает, этих брачующихся.

Первым над девушкой склонился судмедэксперт. Следователь терпеливо ждал, остальные стояли за его спиной.

— Ну что? — спросил Наполеонов, когда Илинханов стал стягивать перчатки.

— Убита примерно 30–50 минут назад острым режущим предметом.

— Зуфар Раисович, ради бога, подходчивее! — взмолился следователь.

Илинханов пожал плечами:

— Сам знаешь, после вскрытия.

— Это нож? — не отступал Наполеонов.

— Возможно, но очень узкий, — нехотя ответил судмедэксперт.

Незовибатько начал обрабатывать пол вокруг убитой, потом раковину, дверцы кабинок, ручку входной двери с той и с другой стороны.

Засверкали вспышки фотоаппарата, Легкоступов снова увлекся и старался, чтобы роза, лежащая возле убитой, выглядела как можно эффектнее. Наполеонов показал ему кулак, и фотограф, вздохнув, постарался зафиксировать место преступления точно и бесстрастно, что давалось ему с большим трудом. Голубоватые вспышки сверкали как молнии.

— Ну, что, пальчики есть? — спросил Наполеонов эксперта.

— Сколько твоей душе угодно, — пробурчал Незовибатько.

— Плохо, — констатировал следователь, хотя и предполагал с самого начала, что в дамской комнате ресторана, да еще во время свадьбы, отпечатков будет множество.

— Придется тебе всех гостей основательно проверять, — не вселил оптимизма Афанасий Гаврилович.

— Спасибо тебе, добрая душа, — невесело поблагодарил Незовибатько следователь.

— Я что, — пожал тот могучими плечами.

— На самоубийство не похоже, — осторожно заметил Аветик Григорян.

— Много ты знал невест, которые кончали с собой в день свадьбы? — спросил Илинханов.

— Ну, мало ли...

— На ограбление тоже не похоже, — заметил Валерьян, — дорогое кольцо, серьги и кольца на ней.

— Откуда ты знаешь, что оно дорогое?

— Видно, — пожал плечами Легкоступов.

— Да, цацки на ней, скорее всего, дорогие, — согласился Незовибатько.

— Это мы потом установим, — сказал Наполеонов. Помолчав, он добавил: — Очень я сомневаюсь, что ее убил кто-то посторонний...

— Думаешь, родственники постарались? — спросил до этого молча работавший Ринат.

— Надо думать, что в зале не только родственники. — Следователь еще раз посмотрел на убитую невесту. Даже сейчас было видно, что Алла Полетова была красавицей.

— Что ж, — проговорил он, — пора познакомиться с гостями.

Возле двери все так же стояли охранники ресторана.

— Можете быть свободны, — бросил в их сторону Наполеонов.

Его взгляд упал на импозантного, еще довольно молодого блондина лет тридцати пяти.

— Вы администратор? — спросил следователь, когда тот сам уже зашел к нему навстречу.

— Да, Дмитрий Валерьевич Карелин.

— Что вы можете рассказать мне по этому делу?